

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / Амазонки нашего аула

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

ОТГОЛОСКИ

Поразительно правильной формы жёлто-золотистое солнце торжественно сияло на небосводе, излучая окружающему жизнеутверждающий смысл.

Ласковый ветерок приятно обдавал своим свежим и тёплым дыханием. Не отличимые друг от друга, словно близняшки, два домика под шиферной кровлей, притулившись поодаль надворные постройки с хлевом и кладовыми, чернеющая за околицей пашня — вся округа безотчётно окунулась в самозабвенное наслаждение весенней благодатью, снизошедшей на землю ароматным веянием цветущего мая.

Тошная чёрная сука с ребрами наперечёт едва дождалась, пока на её счастье кто-то навалил в миску объедков, и теперь остервенело бросилась набивать брюхо, то голодно клацая зубами, то шумно лакая. Оказавшаяся тут как тут чёрная ворона, держась на безопасном расстоянии, принялась вышагивать круги, норовя заморочить псину и урвать себе кусок поувесистей. От каждого вороньего «кар-р» глаза собаки выкатывались из орбит, шерсть на загривке вздымалась, из глотки слышался рык, но язык продолжал неумолимо вычищать содержимое миски.

Со скотного двора доносится мычанье коров. Как по партитуре: одна «запевает», другая подхватывает.

Скрипуче отворив входную дверь, на крыльцо дома вышел старик — весь жухлый, тонкий и тёмный, точно иссушенный зноем хребет курая. Запахнув полы одежды и комкая их гармошкой пониже пупка, спустился по ступенькам. Потом опасливо огляделся по сторонам и разгневанно заявил, незаметно для себя переходя на шёпот:

— Я на них в суд подам! Я их призову к ответу!..

Каждое божье утро начиналось для него с того, что первым делом он шёл проведать единственного в хозяйстве серого, с залысиной, быка, которого за буйный нрав и изрядно скопившиеся провинности пришлось запереть в самом дальнем, одиночном загоне. Старик выгреб ошметки неохотно стравленной быком прошлогодней соломы и подбросил в ясли свежескошенного сочного тростника. Набрал ведро воды и напоил быка с рук. Чтобы животина поменьше пачкалась, основательно вычистил пол от мочи и навоза.

Громадный бугай, обычным состоянием которого было бесноваться и размахивать коромыслом страшных рогов, угрожая всему окружающему, в присутствии старика становился олицетворением вселенской кротости. В нём словно пробуждалась память о несмышлёном телячьем детстве: так нежно тыкался он в старика мокрыми ноздрями, глаза начинали лучиться бесхитростным и мечтательным, как в юности, туманным влажным взором. Отчего же поспешил Создатель, обделив эти живые существа даром речи?

— Белолобый мальчуган! Мой славный мышонок! — удручённо вздохнул старик, глядя бугая по холке. — А давай-ка мы с тобой споём. Что-то тяжело у меня на душе. Как говорится, помирить — так с музыкой! Ну что, споём, мой касатик?..

С этими словами старик затянул навзрыд голосом таким дребезжащим и сиплым, каким свистит в зимней пустоши надломленная вьюгой пустая дудка курая.

*Нынче я сирота, нынче ты сирота.
До чего же горька ты, сиротская доля...*

Зашедшись в плаче подобно потерявшей телёнка корове, старик повис на быке, обняв его за рога. Перепуганные доносившимися из хлева жуткими воплями, примчались Алма и Марзия — две его снохи, за годы замужества ставшие подругами не разлей вода. Затравленный вид старика растрогал невесток до слёз.

— Добрый свёкрушка, хватит вам убиваться. Бог с ним, с бугаём. Пойдёмте в дом, — срывающимся голосом произнесла Алма.

— Стоит ли так истязать себя из-за пустяков? — подхватила Марзия.

...В самом деле, это сейчас он — немощный старик, а ведь когда-то появился на этот свет вовсе не для того, чтобы мыкать горе и терпеть унижения. На какие только вершины не карабкался, какие крепости не брал и какие высоты не стремился одолеть в годы юности, когда был твёрд, напорист и искрист, как кремень?.. С началом войны не раз обивал он пороги призывных пунктов, просясь добровольцем на фронт, но по малости лет его то и дело отправляли домой. Война близилась к завершению, когда, наконец-то смиловившись над ним, судьба подарила возможность принять участие в самых последних сражениях.

Вернувшись обратно, с упоением пересказывал свои ратные истории:

— ...Призвав на подмогу духи предков, я лавиной ринулся на врага. Завидев меня, фашисты кричали в панике: «Ахтунг! Смотрите: Аншибай идёт! Спасайся, кто может!» А потом с воплями «Ойбай! Ахтунг!» бросались от меня наутёк, как коровы от слепня.

В этих рассказах он всегда действовал почему-то в одиночку, но всенепременно — «лавиной»...

Что в байках было правдой, а что враньём — как говорится, одному Богу известно. На груди у него сверкала одна-единственная медаль, которую он время от времени поглаживал, будто никак не мог налюбоваться.

И ещё рассказывали, что в родном ауле он появился в трофейном одеянии — нацепив суконную шинель немецкого офицера поверх немецких же солдатских сапог... Что ж, не зря говорится: молодозелено.

За этот нелепый маскарад сверстники поднимали его на смех и долго дразнили:

— Слушай, да ты никак мародёрствовал, шастая по лесам и грабя неприбранные трупы?.. — лыбились одни.

— Наш доблестный Аншибай, видать, не терял времени даром и успел породниться с фашистами. А те вон как раздели его — с иголки, словно он им сват или кум!.. — хохотали в спину другие.

Впрочем, Аншибаю не пришлось долго почивать на лаврах советского солдата-победителя. Вместе с другими подставил свои плечи под тяготы послевоенного восстановления. День-деньской пропадал на колхозных огородах, без усталости размахивая мотыгой. От зари до зари скакал в седле и надрывал глотку, выпасая своенравные табуны. Спал урывками и жил при стаде, восполняя и умножая общественные поголовья коров и овец. Труды не пропали: несколько лет кряду удавалось ему получать самый высокий приплод, выбился в уверенные передовики.

И вот наступил день, когда он собственными глазами увидел Кремль. Возвратясь с почётом из Москвы, бахвалился:

— Сам Хрущев, горячо пожимая мне руку, сказал: «О твоих боевых подвигах я хорошо слышан. А теперь ты прославился доблестью и в созидатель-

ном, мирном труде. Молодчина! Орёл! На вот, получи за это...»

На этом месте Никита Сергеевич якобы начал суетливо шарить по своим карманам. Но, увы, Золотой звезды Героя Соцтруда для Аншибая там не нашлось — он успел раздать, раззява, другим делегатам...

Так закончилась московская эпопея Аншибая, из которой он вернулся, прижимая к груди Почётную грамоту размером с детскую пеленку.

Эх, героическое было время!

— Ата, пойдёмте же наконец. Хватит плакать, это не к добру. И куда же запропастились мужья наши — Жанабай и Балабай?.. — С трудом разомкнув руки свёкра, намертво сцепленные вокруг шеи бугая, две снохи повели старика домой, бережно придерживая его под локти.

...Перед глазами братьев Жанабая и Балабая, пристроившихся в тени на послеобеденный сон, тоже проплывало множество картин прожитого и пережитого. Впрочем, и для них этот сон был не более чем призрачным видением о безвозвратно ушедшем времени, недостижимом как горячий жеребец, безоглядно умчавшийся за кромку горизонта, едва лишь почуввав малейшую слабинку в поводьях...

Всё началось с того, что крепкий колхоз, как казалось, данный людям от начала и до окончания времён, был в одночасье распушен, а всё его имущество — разумеется, под весьма благовидными лозунгами — подверглось дележу, что называется, в нарезку. Помнится, в детстве старшие рассказывали на ночь сказку, начинавшуюся словами: «Как-то раз поссорились две амбарные мыши, не сумев поделить имущество одного бая...» Так вот именно эту сказку сделали былью воротили той самой прихватизации.

Началось нашествие мышей-несунов, которые, обнаглев, стали носить стаями среди бела дня. Тащили что ни попадя — не в дверь, так в щель. Жанабай с Балабаем терпеливо надеялись на достойную долю: ведь немалую лепту внесли и они в общее достояние, годами горбятаясь то при скоте, то на строительстве. Фиг с маслом! От несметного колхозного богатства братьям досталось по тридцать голов мелкого скота да по дюжине крупного. Что касается покойной матери и отца-пенсионера, то их в счёт уже не брали — словно они никогда и не трудились в колхозе. В общем, обошлись с ними как в поговорке: «Ищите да обрящете». Дескать, Бог вам пошлёт, а на людей не надейтесь.

Однажды утром отец поднялся с постели как пришибленный:

— Ближе к рассвету привиделся мне кошмарный сон. Стены большого коровника вдруг подкосились, и вся эта махина обрушилась на меня. Задыхался, придавленный обломками.

Видать, не смог он смириться с тем всеобщим одичанием, когда люди, будто оккупанты, бросились грабить и растаскивать всё вокруг. На этой же

почве ранней весной со стариком случился истерический припадок.

— Кругом одни мерзавцы! — кричал кому-то невидимому. — Верни колхоз! Ревизуй скот! Уж я-то найду на вас управу! Да я на вас в суд подам!..

От скота, выделенного вследствие роспуска колхоза, проку не вышло. Очень скоро всё было потрачено на то, чтобы сыграть свадьбы повзрослевшим детям да обычая ради собрать хоть какое-то наследство сыновьям и приданое — дочерям. На подворье перевелась живность, а осиротелые поводыя, хомуты, сёдла и уздечки были обречены бесполезно иссыхать на крючьях в сарае.

Единственной на два дома скотиной остался серый, с залысиной, племенной бугай. Но и его незавидное существование вполне поместилось в однуединственную насмешливую присказку: бык, да и тот отвык. Недаром он сначала полдня мычит, оглушая округу, но, так и не услышав ответного зова, потом отправляется бродяжничать по соседним аулам...

Неспешную полудрёму нарушило повизгивание чёрной суки, что, охраняя свои помои, уже нервно носилась за нахальной вороной.

— Ладно, хорош валяться. Пойду посмотрю, что там на дворе творится, — произнес смуглолицый, коренастый Жанабай и, оглаживая бородку, поднялся с места.

— Тогда и я двину в поле, — отозвался светлицый, долговязый Балабай и, улыбаясь чему-то, оправил жидкие усы.

Теперь они пошли в разные стороны, догадывая прерванную думу каждый по-своему.

* * *

В свете послеполуденного солнца маячащий на востоке исполинский горный хребет засверкал, заискрился серебряной чешуёй пробудившегося дракона.

В сторону к западу, высматривая себе добычу, парил невесть откуда взявшийся в здешних краях могучий белоголовый орлан.

* * *

В безмятежный вечерний час, когда, молитвенно посвятив Творцу посланную им же трапезу, домочадцы благопривычно чаяли здоровья для больного отца и невредимости для бесноватого нереза, легко преодолев Великую стену, в селе появились китайцы.

С раскатистым смехом и шумными репликами наперебой они как по команде высыпали из автобуса и тут же сомкнулись в непроницаемый селёдочный косяк. Мгновение спустя от него ртутным шариком отделился юркий, весёлый и вихрастый, точно лисёнок, человек по имени Су Юн — руководитель группы китайских товарищей. Рядом с ним неотвязно крутилась белёсая, как светлячок в потёмках, казашка. Тот не знал ни слова по-нашенски, а

потому девчушка-светлячок проворно и старательно переводила каждое его слово и даже жест.

Первым делом Су Юн осмотрел привольную пашню, что распростёрлась сразу за аулом. Начал изучать её, то измеряя шагами, то замирая на месте и вслушиваясь, то всковыривая почву носком ботинка. Поднял горсть чернозема и понюхал, чем пахнет ком давно не резанной плугом, паровой и почти превратившейся в целину земли. Попробовал на язык. Глаза его засмеялись, и, подавая сподвижникам знак, он поднял к небу большой палец.

— Ах, какая утончённая натура! Видать, сильно истосковался по земле нашей матушке, — язвительно прокомментировал Балабай, поглаживая хитрые усики.

— Цыц, прикуси язычок! Спугнёшь удачу, — буркнул Жанабай, по-медвежьи приплясывая на коротких ногах. — Что лизнёт, что съест эту землю — тебе-то какое дело?

Решающее слово сказала девушка-мотылёк, что дышала в подмышку Су Юну:

— Господин Су Юн сообщает вам следующее. Этот участок плодороден и вполне пригоден для возделывания подсолнечника. Но в этом году он засеет немного — в порядке эксперимента. В случае хорошего урожая со следующего года планирует увеличивать посевные площади, а в дальнейшем — построить здесь завод по производству растительных масел и кормов для скота. Так он намерен оказать конкретную помощь Казахстану.

— Мы разрешаем! — словно поймав сачком радугу, ликующе выдохнули братья.

На что белолицая казашечка не смогла сдержать ироничной улыбки:

— Да вы, дядечки, так сильно не переживайте. Вашего разрешения здесь не требуется. Согласие давно получено. Вопрос лишь в том, что господин Су Юн изъявил желание предложить вам контракт и нанять вас на работу. сторожами. Ну, в смысле, отгонять воробьёв и всякое такое прочее... Зарплата — пятьсот долларов...

В азартном порыве Жанабай не заметил, как смачно плюнул себе на ладонь.

...С далёкого детства Жанабаю запомнилась одна картинка. Как только пронеслась цветущая весна и в рощах запевала кукушка, появлялся в их ауле старый узбек на заезженном сером осле. Приезжал не попросту, ибо на хребте неприхотливого четвероногого помощника привозил он аж по шесть здоровенных мешков, набитых подсолнечным семенем. Обосновывался узбек у дверей сельмага и так, на корточках, вёл свою торговлю с раннего лета и до поздней осени.

Первыми на это лакомство прибежали малые дети. Ещё бы: кто из местных степных жителей — сплошь неисправимых мясоедов и кумысников — подбросит им такое угощение? У узбека каждая семечка — величиной с лошадиный зуб... Очень скоро за этой забавой подтягивались и взрослые.

— Вкусные семечки — увлекательная беседа, — бережно придерживая кульки, щебетали молодухи и девки.

— Здорово убивает время, — глубокомысленно подмечали лузгальщики из парней и мужчин.

Хотя части пожилого и отчасти беззубого населения увлечение это представлялось категорически чуждым и даже вредным.

— И так бестолочь, теперь же совсем оскотинели с этими семечками! Плюются лузгой и не шевелят мозгой. Раз уж так приспичило, тогда бы уж сразу жмыхом питались...

А шурин Аншибая, всю жизнь работавший трактористом, однажды и вовсе взорвался:

— Ты посмотри-ка на него! Пристроился в тенёчке, воткнул копчик в землю да сидит себе, понимаешь, спекулирует. Мы от вспашки до жатвы пыль в поле жрём, но и то не зарабатываем столько, сколько за лето тихой сапой загребает этот делец. А я чем хуже?! Вот растает снег, я тоже стану узбеком и посею подсолнечник. Так и знайте!..

О судьбе того дядиного предприятия до сих пор неизвестно ничего вразумительного — вряд ли ему удалось перековаться в стопроцентного узбека.

Пришла весна, вернулись перелётные птицы, а вместе с ними в ауле появились десять китайцев. Соорудили шалаш. Привезли малюсенький трясущийся трактор. Вспахали и засеяли участок. Из бежавшей неподалеку речушки провели на делянку воду. Днями напролёт копошились и гнули спины, но хоть бы раз выказали усталость! Вечерами разводили костёр под большим казаном и что-то готовили. Хотя было доподлинно известно, что скот они не резали и мяса ни у местных, ни у окрестных не покупали.

Снедаемый любопытством, Жанабай придумал пустячный повод и заглянул-таки к китайцам на огонёк — дабы узнать, чем же они там, чёрт возьми, ужинают. Смотрит, а поверх служивших скатертями пластиковых пакетов — выловленные в той же илистой речке рыбёшки, лягушки, раки и улитки. Вся ватага смачно разгрызает и жуёт эту дрянь, а потом с громким урчанием запивает зелёным чаем.

Потрясённый увиденным, Жанабай вернулся домой и принялся увещевать брата:

— Слушай, всё-таки они — зарубежные гости, а мы у себя дома, на своей земле. Где же наше традиционное казахское гостеприимство? Давай пригласим к себе да попотчует как полагается. Не дай бог подумают о нас: вот жидормоты, вот жлобы эти местные, не могут на чашку чая позвать. А то, похоже, пухнут они с голоду, вот и едят, собирая с болота, всяких нечистых гадов...

— Ты прав, брат! Марку надо держать, — сразу же согласился Балабай. — режем лысого бугая, наварим мяса, а голову с почётом преподнесём их главному. Всё должно быть чин чинарём. К тому же не зря говорится в мудрой пословице: близкий сосед лучше дальнего родственника. Ведь эти чужеземцы платят

нам то, чего мы никогда не дождёмся от своих. Вдобавок мы и сами давно позабыли вкус свежего мяса, так что не грех и полакомиться. А что там будет дальше — не стоит загадывать. Бог нам пошлёт. Поживём — увидим.

Окончив речугу, Балабай хлопнул ладонями по коленям и решительно вскочил с места, проявляя готовность сию же минуту приступить к делу:

— Где ножи? Где точило? Пусть женщины несут тазы и клеёнки!..

Он не знал, что невольным свидетелем только что учинённого сговора стал их седой отец, в тот самый момент с туалетным кувшином в руках выбиравшийся наружу, в сортир.

— Лысого быка, говоришь?! — затрясся старик, в порыве ярости замахиваясь на сына медным кувшином. — А комом в горле он вам не встанет? Тогда уж заодно и меня зарежьте и разделайте, выродки! Неужто до вас не доходит, что это не бык, а реликвия — единственная живая память о колхозе? Эх, засранцы, доведёте меня до белого каления, всех вас отдам под суд! Всё изложу, всех призову к ответу и всем вам воздадут по заслугам!..

— Кто же после этого поверит, что старик наш тяжело болен и одной ногою в могиле?

— Смотри-ка, лежит в дальней комнате, а ушки-то всегда на макушке.

Перешёптываясь так, две снохи, которым не повезло полакомиться свежим мясом, тихо разошлись по домашним делам.

...Семя, лёгшее на тучную залежь, не заставило себя ждать. И очень скоро прибавляющее с каждым днём солнце словно за ушки повытягивало из земли нежно-зелёные ростки новорождённого подсолнуха. Как только проклюнулись всходы, китайцы за какую-то ночь бесшумно снялись и исчезли в неизвестном направлении. Спустя малое время из города приехала белолицая девушка-маячок. Обошла поле и оценивающе осмотрела плавную кольшущуюся на ветру юную поросль. При этом неслышно шевелила губами, подсчитывая и прикидывая что-то в уме. А потом подозвала братьев и с металлом в голосе дала наказ:

— Скот не подпускать, беречь от отравы. За растениями следить — чтоб не напали вредители. Удобрения не воровать, вносить как положено...

Столь барское поведение и пренебрежительный тон спесивой شماкадявки явно покоробили Жанабая. И он строго, по-мужски перебил её, не дав договорить и глядя на неё как на вошь:

— Скажите, когда приедет главный? Как же его звали-то, ихнего китаёзу?..

Девушка-поплавок оказалась не из пуганых и гневно сверкнула на него глазами:

— Говори о нем «господин Су Юн»! А тебе он за чем?

— Да нет, незачем, — тут же обмяк Жанабай. — Просто поинтересовался, как он живёт-поживает.

— Он приедет к сбору урожая. А до тех пор за всё здесь отвечаю я.

— Вы его региональный представитель?

— Я — его жена!

Жанабай отпрянул от неё. Так пугается, наткнувшись на падаль, мирный крестьянский конь, никогда не служивший в кавалерии. «То-то в прошлый раз уж больно к нему ластилась. Но чтобы на людях тыкаться ему мордой в подмышку — это уже через край», — подумалось ему.

— Ах вот как? Да мы ведь ни сном ни духом, что дорогой Суюнжан... — сконфуженно лыбясь, поспешил ему на выручку брат Балабай.

За ним сентиментальными курицами заквохтали Алма и Марзия:

— Ну надо же, какие глубокие чувства! Влюбиться в китайца — совсем по-другому запоёшь. Что ж, милые голубки, совет вам да любовь!

Но белокожая девка хоть бы хны. Плюхнулась на заднее сиденье иномарки и укатила.

Месяц спустя снова заклубилась пылью дорога, и с большой трассы на просёлочную свернули три белоснежных джипа. Успев войти во вкус подёнщины на чужеземцев, встречать американцев — теперь это были они — братья побежали чуть ли не с высунутыми языками.

Из головной машины выбрался высоченного роста широкоплечий щеголь и, жмурясь при виде залитого солнцем простора прежде не виданной им казахской прерии, улыбнулся во все тридцать два зуба. Как и в случае с Су Юном, посланца Соединенных Штатов неотвязно сопровождала переводчица из местных — на этот раз столь же миловидная, но очень смуглая казашка с мелковатыми чертами лица.

— Майкл! — протянул он приветственно руку.

— Добро пожаловать на гостеприимную казахскую землю! — на два голоса заученно выпалили братья, с почтением склонив головы.

В тени его великанской фигуры эти двое смотрелись какими-то нелепыми карликами.

Ступая подобно вышедшей на охоту цапле несуетно, крадко, но верно, Майкл вместе со свитой основательно осмотрел постройки и сооружения бывшего колхоза. Судя по выражению его лица, река ему тоже приглянулась. Смело шагнул в бурьян, давно не кошенные травы которого оказались ему по грудь. Потом американцы встали в круг и вполголоса о чём-то посоветовались. Здесь же и приняли окончательное решение, после чего, слащаво улыбаясь и в манерной картавости прикусывая язычок, девица-смуглянка перевела братьям тараторную речь Майкла:

— Суть предложения в следующем. Это место ему понравилось. Сперва планирует купить сто коров казахской породы. Пасти их будете вы. Потом авиалайнером из Америки доставят десять племенных быков-производителей породы ангус. Их он хочет... как это сказать... да-да, поженить его на сотне

местных коров. И надеется, что полученное потомство будет стойким к жаре и холоду. Так что, если вы готовы, он хотел бы нанять вас на работу...

— Всегда готовы! Ещё как готовы! — восторженно загалдели братья, совершенно не заметив, что в запале энтузиазма болтнули лишнего: — С нынешней дороговизной что город, что село — давно подсасывают собственный кукиш. А тут, смотришь, и нам перепадёт попутного молочка и мяса...

— В таком случае коровьих маток доставим в течение трёх суток. Позднее в аэропорту Вашингтона сядут на самолет и ангусские бычки.

Ошалев от завидной сговорчивости контрагентов, долговязый улыбчивый Майкл распрощался с беспримерной вежливостью. Усаживаясь в машину, как-то странно и раскатисто крикнул, на что благовоспитанные братья не преминули откликнуться солидарным «Будьте здоровы!».

Маленькая, остроносая смуглянка прыснула со смеху и пояснила:

— Да не чихал он. Вам послышалось. Просто муж мой всю дорогу покашливает — скорее всего, от вашей ужасной пыли.

Получив неожиданное известие от новой линии международного родства, братья в изумлении выпучили глаза, а вслух заладили:

— А мы-то и не знали, что дорогой Майклжан приходится нам зятем. Ну молодец, что приехал навестить родственников своей суженой!

— Ты уж прости нас, мистер. Откуда же нам знать?

Судя по всему, простил.

* * *

Тяжкое пробуждение от длительного, безотчетного сна обернулось для дракона полубормочной сонной одурью. С трудом подняв слипшиеся, набрякшие веки, он лишь движением зрачков огляделся по сторонам. В приоткрытой пасти заблестел раздвоенный вилами подвижный длинный язык, и, втягивая воздух, ящер зашипел — негромко, но протяжно.

Скромный кустик степной полыни вряд ли мог утолить чувство голода, издевавшее эту безразмерную утробу. Пригнувшись было в струе драконьего вздоха, прочная метёлка жусана вновь упруго взметнулась верхушкой к небу. Затаившийся под кустом воробей-одиночка, едва лишь завидев опасность, шумно забил крыльями и пулей улетел в небо.

Белоголовый орлан уже давно набрал нужную высоту и теперь не махом, а одним лишь парением вершил свой свободный полёт. Крылья настолько велики, что, казалось, затмевают само солнце. Каждая добычливая охота ещё больше распалает в нём отвагу и аппетит, и, быть может, отныне весь смысл его существования сводится к тому, чтобы выбирать себе и безнаказанно растерзывать всё новые жертвы. Налитый кровью, немигающий глаз обшаривает по-

верхность земли и угрожает всему, что подает хоть малейшие признаки жизни. Вот и сейчас слотнул плотоядно слюну, выгнул шею и бесстрашно обрушился в очередную, не знающую пощады атаку.

* * *

Пыль из-под колёс визитёров не успела осесть, как, едва ли не лопааясь от гнева, возмущённо зашумели Алма и Марзия:

— Какого чёрта вы перед ними пресмыкаетесь?! Да пропади они пропадом, эти иностранцы, авось без них с голоду не помрём!..

— И когда эти нечестивицы успевают выходить за них замуж? Ишь, как стелется под ним, шалава!

— Да тише ты. Следи за языком и выбирай выражения. Этак ты нам все планы расстроишь. У тебя чуть что, так сразу «шалава». Сказала бы «воображалка», «кокетка» или, там, «вертихвостка». А то сразу «шалава», — попытался осадить жену Жанабай, изображая порицающий взгляд.

Балабай не сумел скрыть озорной улыбки, но по примеру брата тоже решил уgomонить свою:

— Вы по ком убиваетесь? Пусть идёт, да не шажком, а трусцой бежит за него замуж. Где же мы ещё найдём таких продвинутых дур, что буквально за ручку приводят к нам на порог богатеньких клиентов?

Вооружившись лопатами и вилами, братья отравились вычищать и приводить в порядок бывшее колхозное достояние — бесхозный коровник и большое хранилище. Выгребли соломенную гниль, отколупали и перевалили слежавшуюся подстилку, вынесли и сожгли весь собранный мусор. Заделали пробоины и щели. Починили ворота, двери и калитки. Нежданно-негаданно заброшенный лабаз округлился и просветлел возвращённой чистотой, и вновь стало ясно, что когда-то он был сработан на совесть.

— Вот увидишь, завтра же догоним и перегоним всех в округе. Коль взялись, лицом в грязь ударить нам уже грех. Люди вон и за взятки не могут выклянчить такую работу.

— Подсолнечник укоренился и пошёл в рост. Дальше будет полегче. Поведятся пернатые — так у нас ружьё есть, всех расшугаем.

— Нам бы поскорее управиться здесь. За казахских бурёнок я не беспокоюсь, а вот перед зарубежными быками как бы не пришлось краснеть...

Так переговаривались трудяги-братья, не тратя времени на перекуры и поспешая в срок выполнить намеченное.

Ожидавшееся коровье пополнение тоже подоспело без задержек. Сплошь белоголовые статные нетели оказались хороши как на подбор. Словно обитали здесь всегда, безо всяких подсказок и понуканий, сразу же определили, где здесь пойменный луг и высокий травостой. В связи с прибытием боль-

шого числа прелестнейших женских особей серый, с зальсиной, нерезь немедленно распрощался с былой вольницей: его заблаговременно изловили и заперли в отдельный загон с глухими высокими стенами. Дело понятное: ещё с советских времён наделённый привилегией единолично пользоваться всё женское поголовье колхозного стада, этот беспредельщик-бугай, задери его ящур, вряд ли оставит свою привычку — впадать в безумство при виде любой половозрелой самки. Вот и сейчас ломится, готовый снести свой карцер, бодает доски загона, роет копытом землю и ревет как потерпевший, заявляя свои права на владение подвалившим гаремом.

Что же до лощёных тёлочек, то и их, будь они неладны, так и тянет, будто магнитом, к бодливому производителю. Отгонишь одну, застрашаешь щёлканьем арапника, а она сделает круг и снова закличет пискливо: «Му-у-у!» О чём же ещё мечтать разбойнику-быку в дивную майскую пору? Эх, кабы не эта неволя, уж он-то, туго знающий своё дело, наверняка бы не оплошал: подобрал бы ключи к сердцу каждой, технично оттёр бы в сторонку, занюхал бы в подхвостье до одурения, а потом бы встал на дыбы и, как говорится, оформил по полной... И пусть потом все эти пастухи, погонщики и прочие блюстители морали хоть охрипнут от крика, хоть обломают об него все свои плети, дубины и колья...

Правда, Майкл, если слова его переводили верно, наказал строго-настрого:

— Аборигенным самцам вход на территорию фермы категорически воспрещён. Они — беспородные дегенераты. Испортят потомство. Правом допуска к маткам наделяются только трансатлантические участники проекта.

Как явствовало из речей американцев, каждый из прибывающих из-за океана племенных быков будет иметь при себе личный «пачпорт», где прописано всё: данная при рождении официальная кличка, подробная родословная и прочие необходимые сведения. И действительно, разве дело, если этот высококородный, со свежевывисанными «пачпортами», скот-мачо сойдёт с трапа самолёта, приедет на спецфурах на ферму и торжественно возопит «Му!», а на встречу ему выйдут непутёвые наши бурёнки, сплошь... соблазнённые и уже покрытые местным бугаём? Не приведи Господь — позора не оберёшься!

Осознав эти новые, доселе неизвестные угрозы и вызовы и во всей полноте проанализировав риски, братья приняли единственно верное стратегическое решение — оскопить серого, с зальсиной, бугая. В самом деле, чего им стоит — заманить быка, изловчиться и одним точным движением взрезать ему мошонку! А уж кладенному быку деваться некуда: погорюет об опустевшей заветной замшевой сумочке, да и смирится с судьбой и растворится среди множества прочего бесполого быдла.

Всё бы хорошо, но каким-то непостижимым образом старый отец и на этот раз прознал о зловещих

помыслах своих предприимчивых отпрысков и сно- ва закатил истерику, костеря их почём зря:

— Что, вздумали холостить бугая? Если так, то сначала меня оскопите! Может быть, от этого прибавится у вас ума?..

И опять пригрозил, потрясая карающим указательным пальцем:

— А уж я-то вас доведу до суда! Всех — на чистую воду!

...Как только за сыновьями затворилась дверь, старик, опасаясь непоправимого, решил открыть загон и выпустить бугая на все четыре стороны. И теперь, скрытно выглядывая в окошки и щели, дожидаясь подходящего момента. Сыновья же, словно почувствовав на себе сверлящий партизанский взгляд отца, всё мешкали, не спеша уходить со двора.

Между тем, весело сверкая в лучах солнца, на дороге появился беленький джип. Следом, но значительно медленнее, по трассе двигались две громоздкие машины с высокими бортами.

— Едут! Едут! Неужто так быстро нагрянули? — закричал Балабай и, опешив, схватился за курык — пастушью жердь с петлёй на конце.

— Боже, что у тебя в руках? Брось немедленно и упрячь подальше с глаз... Скот-то у них импортный и цивилизный, он твоих замашек не поймёт! — зама- хал руками Жанабай.

— Ещё бы, у них ведь пачпорта имеются, совсем как у людей! — подоспели на шум жены.

— Что же теперь делать? Тогда уж и здороваться с ними нужно по-английски.

— Ох, уж мне твои шуточки... — Жанабай с укоро- ризной посмотрел на брата.

Выпорхнув из джипа, миловидная смуглянка от- ветила на их приветствия лишь скупой беззвучной и совершенно космополитичной улыбкой. Амери- канца сегодня с ней не было, а на его месте, выпу- чив немигающие глаза, сидела лобастая шерстистая собака.

— Та-а-к, — удовлетворённо произнесла супруга Майкла, осмотрев маточное стадо. — А вы знаете, что ангусы — это особо ценная порода?

— Лечь мне здесь костями! — непонятно откуда пришли на уста Балабая слова велеречивой божбы.

— Дело в следующем. Порода чрезвычайно элит- ная, из-за укороченной путём многолетней селек- ции шеи морды этих животных не достают до земли. Поэтому на первых порах вам придётся кормить и поить каждого с рук. Ежедневно от кончика носа и до кончика хвоста будете мыть их специальным шампунем. В перспективе Майкл намерен постро- ить здесь крупное мясомолочное предприятие.

К этой минуте два грузённых скотом многотон- ника наконец доползли до места назначения и с про- тяжными вздохами заглушили моторы. Аулчане вы- катили глаза и разинули рты при виде исполинских статей комолых животных с толстенными выями и

массивными, мускулистыми туловами на коротких крепких ногах. С непривычки они казались не то ки- ношными киборгами, не то ещё какими-то чудища- ми, искусственно созданными в секретных лабора- ториях... Но вот один из них подал голос, другой за- мотал головой, и всё встало на свои места: даром что пришельцы, а скот — он и в Америке скот.

— Пересчитайте. Ровно десять голов. В бумаж- ных мешках — витаминная добавка к корму.

— А в будущем мы поженим их на сотне местных бурёнок породы казахской белоголовой. Так ведь? — не сдержавшись, ляпнул Балабай, припоминая да- вешний разговор и исподтишка передразнивая собе- седницу.

— Разумеется. Обновление крови улучшает по- томство, это наукой доказано. Вот здесь их паспорта, а это — ветеринарные сертификаты. Клички пока что пишутся и звучат по-английски. Если что, потом можно будет придумать им и казахские ласкатель- ные имена.

— Будь сделано! — прогремел Балабай.

— Кстати, вот этот пёсик — тоже пастушьей по- роды, — сказала хозяйка, высаживая из машины кудлатую лобастую псину. — Кличка Рональд, или просто Ронни. Её мы тоже привезли вам, чтобы об- выкалась и обучалась. За ней также нужен хороший уход. Корм для неё я захватила, не забудьте выгру- зить. Воспитывайте и натаскивайте. Майкл будет здесь через месяц. О'кей?

— Очень хорошо.

— Ну, тогда бай-бай, до встречи!

Обдав остающихся облаком пыли, белый джип покотил обратно в город.

Молодой подсолнечник уже поднялся на своих журавлиных ножках и закудрявился весёлыми золо- тыми головками шириной в ладонь. Нрав у этого растения оказался славный: успевай лишь своевре- менно поливать — и оно ответит тебе благодарным приростом. Да и уход за ним немудрёный: знай рых- ли приствольную почву и выпальвай беспощадно сорняк. Бывает, конечно, что за день так накоря- чисься, согнувшись в три погибели, что потом с трудом расправляешь спину. Но труды эти не на- прасны, и овчина выделки стоит.

Китайцы объявились так же внезапно, как когда- то и исчезли. На рассвете двое отряженных Су Юном подручных привезли мешки с чем-то сыпучим. И с бодрыми улыбками сообщили:

— Начальник шлёт вам пламенный трудовой привет. Сильно по вам скучает. Скоро и он здесь бу- дет. Это — новый вид удобрений. Применять нужно экономно, буквально по горсточке под каждый ко- рень. Так быстрее созреет.

С китайцами прощались как с ненаглядными сватами — долго и трогательно. Можно было поду- мать, что речь идёт не об урожае подсолнечника, а о засидевшей девке, которую никак не удаётся спла- вить замуж.

Вернувшись с пастбы, Жанабай рассказывал брату:

— Ты обратил внимание, как ведёт себя вон та тёлка с чёрной мордочкой? Вот уже пару дней всё косятся по сторонам воровато, никак не находя себе места. Стало быть, у неё течка.

— Елки-палки, да ведь и ангусы высадились не далее как позавчера. Но всё равно надо случать. Что будем делать: сведём в открытой степи или подальше от посторонних глаз, где-нибудь в тёмном сарае? Интересно, как это у них принято и какая обстановка для них предпочтительней?.. Да-а, задали нам задачку. Тыфу ты, чёрт, и у вчерашней смазливой козьявки совсем забыли спросить... — озабоченно отвечал Балабай.

Обсудив все за и против, братья здраво рассудили, что колья рождены эти ангусы самцами, то и дело свое, ангусово, пусть делают на свой вкус и усмотрение. Отворили загон и, подёргивая за цепной недоуздок, выволокли одного ангуса. Затем вывели и поставили перед ним изнывающую от течки черномордую тёлочку. На неё он смотрел как на пустое место, но, среагировав на подначивающие возгласы сводников, наконец вымученно сунулся ноздрями под хвост бурёнки. Исходивший оттуда запах, по-видимому, его не впечатлил. И какое-то время он стоял с отсутствующим видом, словно вопрошая: «Чего вы от меня хотите?» Но потом, будто вспомнив о чём-то, проявил невиданную в здешних уравновешенных краях резвость. С оглушительным рёвом заморский бугай встал на дыбы, а в следующую секунду попросту подгрёб под себя незадачливую местную тёлку. Бедная коровёнка не выдержала веса быка и рухнула под ним, как подкошенная.

Поглощенный азартным зрелищем, Балабай придергивал быка за цепь и возбужденно покрикивал «Молодец! Зверюга! Давай!», не сразу заметив, что корова ушиблась и не в силах подняться. Вошедший в азарт ангус уже не внимал жалобным стоном партнерши и наверняка раздавил бы её, если б она каким-то чудом не выскользнула из-под него и с душераздирающим мычанием не бросилась наутёк.

Но самое страшное началось потом — когда, разбуженный чужой, да и собственной разыгравшей страстью и взломав двери своего карцера, на воле оказался серый, с залысиной, колхозный бугай. Грозно потрясая грудной складкой, с рогами наперевес, галопом помчался отбивать черномордую тёлочку. Завидев непрошеного соперника, комольи иностранец сперва попятился, но кто же знал, что с его стороны это была лишь военная хитрость?! Разогнавшись как следует, он рванулся вперёд и метко ударил колхозника прямо в подвздошную область. Сделав два-три шага пьяной походкой, аульный бугай нелепо опрокинулся, задрав сверху все четыре копыта. Но и тогда драматические события того дня были ещё далеки от завершения, ибо в этот самый

момент с отчаянными криками и сверкающим в руке ножом на помощь своему баловню шкандыбал престарелый отец.

— Садист! Убийца! Дьявольское отродье! Оскоплю тебя самого!..

Кастрировать драгоценного ангуса старику, конечно, не позволили. Пока трансатлантический половой гигант насторожённо озирался по сторонам, готовый в любой момент предпринять новую контратаку, Жанабай и Балабай побежали отцу наперерез, быстренько схватили его, отняли нож, завернули за спину руки и потом долго сидели на старике верхом, пока не утихли его хриплые крики:

— А ну пустите, негодяи! Всех засужу!..

Прижатый к земле ничком, старик силился вырваться и не видел, как в это время безрогий ангус продолжал мутузить поверженного «колхозника», технично отработывая на нём самые изощрённые и болезненные приёмы бычьего боя.

* * *

Ухватив за морду зазевавшегося на водопое сайгака, саблезубый дракон обвился вокруг своей жертвы и с хрустом переламывал ей кости, убивая медленно и мучительно.

Белоголовый орлан лишь на миг спикировал, а когда снова взмыл под облака, уже сжимал в своих когтях беспомощно обмякшего лося.

* * *

К большому несчастью для столь многообещающе начатого эксперимента, ангусы сеяли вокруг себя только смерть. И с момента их появления в хозяйстве вот уже пятнадцать туземных коров бесславно пали под заморскими «благодетелями». Наученный горьким опытом Балабай вменил себе в привычку: лишь только заметив течную буренку, с ошалелыми криками, поскорее отгонять её подальше от опасной для жизни любви. Словно и этого им мало, эти прожорливые элитные ангусы всё кругом выели и вытоптали. Уже негде и сена накосить для этих парнокопытных господ, зализал бы их бык, — скоро в округе не останется и былинки. Вдобавок ко всему куда-то запропастился и всё не едет к казахской родине этот чёртов Майкл.

По мере того как в жёлтых подсолнухах начали созревать маленькие чёрные семечки, братья всё меньше высыпались и ещё реже смеялись, потому что без спроса объявилась новая напасть — воробы. Прилетает как по расписанию одна стая за другой, вылушивает семена и вспархивает с наглым чириканьем, уступая очередь довершать грабёж сородичам. Толку от стрельбы по ним мало — непременно увернётся маленький вор. Намного надёжней оказалось отпугивать их шумом, от темна до темна бродя по полю и барабаня в тазы и вёдра. Да только на дурацкое это занятие не напасёшься ни вёдер, ни колотушек — все давно прохудились и разбились вдребезги.

Над землёй сгущались сумерки, когда, устало возвращаясь с поля, Алма натолкнулась на всхлипывающую Марзию. Признав в темноте подругу, та бросилась ей на грудь и слёзно запричитала:

— Не знаю, под какую землю мне теперь от стыда провалиться...

— Что ещё стряслось? — не на шутку переполошилась Алма.

— Дед-то наш, свёкор, кажись, совсем из ума выжил... Выпотрошил пакеты Ронни и без остатка съел весь собачий корм.

* * *

Наступило утро нового дня. Но и тогда безупречной округлости жёлто-золотистое солнце, изогнись оно восьмёркой, торжествуяще блистало на небосводе. Оно ещё не знало, что ночью десять изголодавшихся ангусов совершили побег из стойла и, напрямик примчавшись на плантацию, подчистую выели дозревающие, восковой спелости, головки подсолнухов.

Не ведало солнце и о том, что той же минувшей ночью лежавший при смерти серый, с залысиной, колхозный бугай каким-то чудесным образом ожил и — о, гений производительных сил природы! — установил своё полное, безоговорочное и безраздельное господство над уцелевшими бурёнками количеством восемьдесят пять голов.

И ещё рассказывают, что на рассвете того дня вышел из дома и не вернулся старый Аншибай. Исчез, не оставив ни следов, ни свидетелей. И только песня надломленного ветром курая, что изредка слышится из унылой степной глухомани, нет-нет да и донесёт что-то странное и невнятное, но очень созвучное его горестным возгласам:

— Я этого так не оставлю! Я на вас в суд подам! Пробьёт час, и за всё вам придётся ответить!..